Автор: Оргкомитет
27.09.2014 02:16

Живет в Санкт-Петербурге (Россия).

КОНЦЕРТ НА ФОНЕ БИТВЫ

Вошли вы в некий зал, где примадонны пели,
и здесь уже, ютясь на кресле откидном,
узрели на стене дубовые панели
не с пасторальным, нет - с батальным полотном.

Гадали весь концерт, - кто там – сарматы, гунны,
чьи дикие зрачки блестят из глубины.
Почти не увлекал вокал певицы юной,
в чьи прелести слегка вы были влюблены.

В зелёном декольте на фоне поля битвы
так трепетна она, что выглядит ботвой.
И слышите, косясь на живописный вид, вы
не сладостную трель, а дальний топот, вой

в краю, где зелень с гор стекает вялой лавой,
и в полнолунье мгла глядит кривой совой.
Вы там уже – герой фантазии кровавой.
Внутри таких картин непросто быть собой.

Вы там - не меломан, а непокорный пахарь,
схвативший под уздцы чужого скакуна -
напряжена рука, распахнута рубаха,

разорван криком рот, и грудь обнажена.

Нацелил в сердце сталь яйцеголовый ворог.
А девушка поёт... Но кто ж её спасёт?
Окаменели вы в свои неполных сорок,
как город над Невой, доживший до трехсот.

Пусть стёртые до дыр мозолистые почвы
пронзит глухая дробь взбесившихся копыт,
покинете сюжет и удалитесь прочь вы,
но взор ваш, словно гвоздь, в картину напрочь вбит.

ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН

«Мы пригласили тишину
На наш прощальный ужин».
А. Вертинский

Это – не ужас, просто – прощальный ужин.
Репертуар курортных кафе заслушан.
Местный пейзаж исхожен... Упрись в меню
и препарируй трепетных устриц - ню.

Мы, отвергаемы взятым в аренду раем,
как виноградник заброшенный выгораем.
Бархат сезонный зеленый облез, исчез, -
впрочем, как обоюдный наш интерес.

Жребий любого – ветром быть унесённым
из атмосферы шавермы, самсы, шансона,
В стороны раскидает нас волнолом.
Рушатся волны, как сервант с хрусталём.

Море перетасует место и время.
Вынырнем в мире, где все нелюбимы всеми.
Вновь пасторальный сценарий не воплощён.
Холод сползает по позвонкам плющом.

СМЕРТЬ ЗИМЫ

Ты засыпал зимою завороженным,
с той, чьи уста искрились вьюжным крюшоном,
сочно сверкали, как виньетки в Версале,
чьи лобызанья в кожу твою вмерзали.
Ты был обкормлен липким снежным попкорном,
Намертво упоён вином иллюзорным.

Поторопись – до разрыва, до разлива ручья
сбрось снежинки брезгливо, словно перхоть с плеча.

Ты поклонялся холмикам белым, млечным,
одолеваем вечным желанием - лечь на
мягкое нечто, вроде перины или трясины,
не замечал сосулек оскал крысиный,
не понимал пока, что финал фатален,
скоро повеет падалью из проталин.

Это в спазмах больного ума, миазмах гнилых зубов
умирает зима, надоевшая, словно любовь.

Храм твой нерукотворный лежит в руинах,
словно сугроб в крестах следов воробьиных.
Где поутру в любом проёме оконном
образ зимы сиял подобно иконам,
тает лицо, что было неповторимо,
стёкла марает потёками слёз и грима.

Скоро снаружи сад загремит листвой.
Окна открой, обживай новый рай – он твой!

Страница автора в Сети